

«ДЕЛО ЖИЗНИ — ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИСТИКИ В РОССИИ»

И.Б. Фан

Интервью
с членом-
корреспондентом РАН
С.С. АЛЕКСЕЕВЫМ

Фан Ирина Борисовна —
кандидат философских наук,
научный сотрудник
Института философии и права
УрО РАН

Глаза излучают пронизательность и мудрость, в них чувствуется опыт, воля, способность видеть людей, понимать и считаться с их интересами, готовность к отклику, и в то же время — собственное достоинство, умение держать дистанцию. Беседа с ним — значительное событие, удача, встреча, каких бывает не так уж много. Этот человек — Сергей Сергеевич Алексеев (28.07.24 г., Орел), правовед, член-корреспондент РАН (1987 г.), доктор юридических наук (1961 г.), почетный доктор (honoris causa) Университета Париж- XII Валь-де-Марн (2000), участник Великой Отечественной войны.

Юридический мир хорошо знает это имя — по научному авторитету и неформальному признанию, по индексу цитирования, по творчеству в качестве законодателя С.С. Алексеев давно стал для современников олицетворением Права. Сергей Сергеевич — создатель уральской научной школы в теории государства и права, инициатор возрождения в России школы гражданского права.

Он — автор более 400 печатных трудов, в том числе более 40 книг по проблемам теории государства и права, гражданского, конституционного пра-

ва, по философии права, в том числе — 10 изданных за рубежом. В его книгах — их стиле, названиях, юридических формулах, органически сочетаются научные интересы, рациональное понимание права, любовь к строгим юридическим конструкциям и глубокая личностность, пронзительная эмоциональность, выстраданность суждений собственной жизнью.

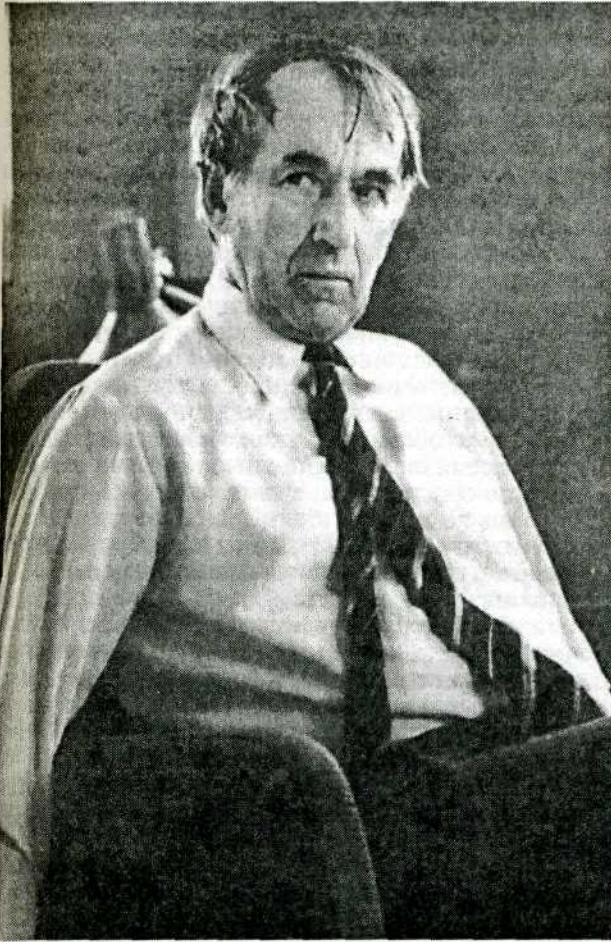
Редкий человек может быть столь откровенным и не бояться исповедальных нот, признаний в моментах сомнений, в искушениях властью. В начале 1942 г. он, еще десятиклассник школы №2, был вызван в военкомат, стал призывником. Но, как сына «врага народа», его решили направить в трудовую армию. Отца С.С. Алексеева, работника статистического управления Уральской железной дороги, участника гражданской войны, арестовали в апреле 1937 г. и отправили в Сибирь. В 1947 г. его освободили «за отсутствием состава преступления»...

С настроением «на фронт!» и с желанием избавиться от позорного клейма, целый день С. Алексеев провел в военкомате, и лишь у главного военкома добился отправки в действующую армию. Он был направлен в инженерно-саперные войска. На фронт попал в декабре 1942 г. Был произведен в «ефрейторы», а потом, после назначения командиром отделения, в «старшие сержанты». До окончания службы в апреле 1945 г. со своим батальоном прошел Волховский, Ленинградский, Карельский, Заполярный фронты. Испытал все: лишения, голод, смерть товарищей, абсолютную власть военной машины, борьбу с диктатором «паханов» (присланных в армию уловщиков), особый мир военной жизни, сходной с порядками и правами ГУЛАГовских лагерей...

Там же пережил чувство солдатского братства, там же выработал «свой» стиль командования людьми, среди которых были и те, кто вдвое старше и опытнее его. Этот стиль — в любом деле (осмотре мин, работе при обстреле...) действовать самому, первым; решения принимать с учетом мнения других, сообща распределять задания; приказывать сначала самому себе, потом другим; никогда не повышать голос, — стал частью личности С.С. Алексеева. Этот стиль показал свою эффективность и впоследствии, в политической и законодательской работе, в научной, просветительской, педагогической деятельности, в других областях жизни.

Время поисков Права в переломные для нашей страны годы конца 80-х — начала 90-х раскрыло подлинный масштаб личности С.С. Алексеева. Он один из разработчиков проекта Конституции РФ (1993) и Гражданского кодекса РФ (1994, 1995). Говорят, что для цивилиста простое участие в

— Сергей Сергеевич, расскажите, пожалуйста, об истории создания Института философии и права на Урале.

— Давно уже у меня зародилась идея, чтобы именно Свердловск стал одним из центров — носителей русских правовых традиций. После революции, и в 20-30 гг. здесь работали крупные представители юридической мысли, в области гражданского права — выразители достижений русской дореволюционной мысли, одной из передовых в мире.

Самый яркий из них — И.А. Покровский. Его учениками были А.М. Винавер и Б.Б. Черепяхин, учеником которых стал впоследствии и я. А.М. Винавер (цивилист, бывший «кадет») читал нам лекции по римскому частному праву, посвящая нас в тонкости латинских правовых конструкций. Б.Б. Черепяхин (зав. Кафедрой частного права) вел студенческий кружок по гражданскому праву. Их лекции и научное руководство в какой-то степени отразились на моей судьбе. Они открыли нам гражданское право, науку. Б.Б. Черепяхин был моим научным руководителем, когда я учился в аспирантуре и готовил кандидатскую диссертацию и в начале подготовки докторской. Потом он уехал в Ленинград. Я часто бывал у него, был одним из тех, кто в последний раз видел его перед кончиной...

Потом я занимался теорией права, работал на кафедре государства и права юридического института в Свердловске, много работал. Но никогда меня не оставляла мечта продолжить традицию А.М. Винавера и Б.Б. Черепяхина. Меня уже давно звали работать в Академию наук. Время от времени мы с Г.А. Месяцем обсуждали волнующие нас научные проблемы. Потом мне присвоили звание члена-корреспондента. В 1987 г. Г.А. Месяц предложил мне создать Институт права. Идея состояла в следующем: опережая другие центры, Свердловск должен стать центром традиции Покровского.

Конечно, не обошлось без трудностей, они были и в отношении организации, поисках помещения, но особенно — в общем русле политики партийных органов, в том, как они могли встретить идеи цивилистики. Ведь основа цивилистики — это начало автономной, экономической и политически свободной личности, что противоречило официальной идеологии и теории государственного права. Тем не менее, начало было положено, цель определена: сделать институт философии и права центром передовой цивилистической мысли, продолжить российскую традицию.

В Академии наук в то время было не принято формирование институтов гуманитарного профиля. Если что-то и создавалось, то считалось, что все должно быть в Москве, рядом с ЦК КПСС. Наш институт был первым на востоке страны институтом гуманитарной проблематики. Это общее отношение партийной элиты сказалось и на организационных моментах создания института. Представитель ЦК, заведующий соответствующими вопросами, требовал дикое количество бумаг, обосновывающих необходимость создания института и т.д. Было проведено много нудных, никчемных разговоров, потрачена уйма времени на организацию института... В целом в создании института, в завершении всех этих процессов именно Г.А. Ме-

разработке ГК — это уже большая удача и честь. С.С. Алексеева называют лицом Гражданского кодекса, ему принадлежит не только роль его автора, но и уникальная роль творца российской истории.

Политическая и законодательная деятельность Сергея Сергеевича в качестве народного депутата СССР (с 1989 г.), на посту первого (!) в истории России председателя Комитета по законодательству Верховного Совета СССР (1989-91 гг.), первого (!) Председателя Комитета Конституционного Надзора СССР (1989-91 гг.), первого (!) председателя совета Исследовательского центра частного права при Президенте РФ (с 1992 г.), талант умного и страстного оратора, его правовая, философская публицистика, открывающая высокую гражданскую и нравственную позицию автора — все это поставило С.С. Алексеева в ряд авторитетных лидеров общественного мнения в нашей стране. С 1993 по 1996 гг. он был членом Президентского совета и Комитета по правам человека при Президенте РФ.

Среди единомышленников и друзей С.С. Алексеева были такие выдающиеся люди как П. Бунич, А. Собчак, Ю. Калмыков, С. Станкевич, Н. Федоров, Ф. Бурлацкий, С. Шаталин, Ф. Искандер, многие другие. Р. Гамзатов как-то сказал: «Сергей Сергеевич — это лирическое стихотворение: и ум, и такт, и деловитость, и полное отсутствие помпезности, показухи, позы». Мэриу Лауристин назвала его единственным из известных ей людей, сохранившим исконные черты русского интеллигента.

сяц сыграл существенную роль. И я проделал весьма значительную и, не редко, неблагодарную работу по обоснованию необходимости гуманитарного направления в академической системе. В конце концов, Президиум УрО РАН одобрил создание института, высказав мнение, что именно это направление отделению и не хватало.

Когда я уже был в Москве, много выступал в печати и на телевидении, я всегда представлялся в качестве директора Института философии и права УрО РАН. Это способствовало признанию института в широких кругах общественности. Много хлопот было и с поиском здания под институт. Какое-то время Высшая партшкола предоставляла нам помещение для проведения теоретических семинаров. Тот домик, который занимает институт в настоящее время, раньше принадлежал каким-то кооперативным организациям, потом партшколе, директор которой позже передал здание Институту философии и права. Название институту мы определили по соответствующему названию отделения РАН. Но по исходной идее он должен был быть правовым институтом. При подборе состава сотрудников мы исходили из того, чтобы собрать правоведов и философов, наиболее перспективных в научном плане.

Возрождение цивилистики — то самое крупное и для меня, и для страны дело, во имя которого, по моему настрою, еще в 1986–88 гг. был образован академический институт на Урале. По-настоящему это дело было начато в октябре–ноябре 1991 г. в Москве. И хотя по всем записям я оставался директором института, это дело — возрождение цивилистики — вряд ли там могло быть теперь осуществлено. А в Москве, в октябре–ноябре («при Горбачеве»), а потом в декабре 1991 г. («при Ельцине») возрождение цивилистики стало по самым высоким меркам передовой общественной, поистине государственной задачей.

Причем, такое возрождение, которое теперь, кажется, способно сломать сопротивление чиновничества и его научного продолжения — довольно сильного в научных кругах направления, именуемого «хозяйственным правом» (пусть даже переименованного в «предпринимательское право»). В Москве оказалось возможным, по оптимистическим расчетам, продолжить идею частного права крупным общественным делом, которое во всех странах, вставших на путь демократического развития, стало ключевым, решающим — подготовить и издать современный Гражданский кодекс. В это время с какой-то остротой открылась незаменимая миссия, которую способно сыграть через гражданское законодательство частное право в демократическом развитии и в судьбе нашей страны.

— Каким Вам видится период 1989–1995 годов с точки зрения настоящего времени, поистине революционный период для истории нашей страны, и, одновременно, период вашей насыщенной политической и законодательной работы?

— В 1989 г. по инициативе Г.А. Месяца, после выдвижения меня собранием коллектива ИФиП УрО АН СССР кандидатом в народные депутаты СССР и после процедуры одобрения моей кандидатуры пленумом расширенного Президиума АН СССР, я стал народным депутатом и затем членом

Верховного Совета СССР. В Москве я начал работать в качестве председателя Комитета конституционного надзора, а затем председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству.

В июле 1989 г. свершился перелом — Верховный Совет впервые за долгую советскую историю обрел положение самостоятельного законодательного учреждения. Но Политбюро, Пленум ЦК КПСС продолжали обсуждать законодательные дела, пытаясь влиять на работу.

В это время были разработаны и приняты Верховным Советом законы о собственности, об аренде, о печати. Закон о собственности легализовал частную собственность, поставив ее в один ряд с государственной, что меняло экономические основы нашего общества. Закон об аренде предлагал эффективный способ приватизации, его применение могло обеспечить перевод экономики на частноправовую основу. Закон о печати, в основе которого был проект М. Федотова, вместо узкого принципа гласности вводил и организационно обеспечивал свободу слова.

Эти законы оказали значительное влияние на политическую жизнь страны, на законодательство республик. Был принят еще ряд законов, устремленных на изменение жизни страны, в том числе об «экономическом суверенитете республик». Но все они встречали сопротивление партийных инстанций и руководства палат Верховного Совета. К октябрю–ноябрю 1989 г. стало выясняться: вновь принятые законы не определили коренной перелом в жизни общества. Какое-то действие на реальную жизнь оказал закон о печати. Но эффект от закона о собственности — ноль. В отношении закона об аренде происходили даже попятные процессы. В партийной печати появились публикации с настороженными словами об «арендизации», о недопустимости спешки, начались сравнения ее с «коллективизацией» 20–30-х гг. Все уходило в песок...

Только в первом году нового столетия я понял по-настоящему значение деятельности Комитета конституционного надзора в начале 90-х гг. Первым случаем непосредственного практического использования положений о правах человека при решении конкретных юридических дел, состоявшихся именно в нашем Отечестве, были решения ККН. При выработке нормативных положений о первом правосудно-конституционном учреждении страны его функции были весьма ограничены: ККН был лишен права рассматривать законы республик, его решения имели в основном рекомендательный характер. Но в Законе о ККН была декларативная запись о том, что решения ККН, принятые в соответствии с основными правами человека, вступают в действие немедленно. Эта запись стала правовой основой деятельности ККН. С опорой на нее Комитетом были приняты наиболее важные решения об отмене прописки, о юридической ничтожности «секретных» актов, о ликвидации исправительно-трудовых учреждений и ряд других.

В итоге оказалось, что Комитет не столько добивается реализации положений действующей советской Конституции 1977 г., сколько стремится провести в жизнь конституционные начала, основанные на правах человека. Впоследствии, на конференции в голландском университете, видный

канадский правовед заметил: «Главное, что произошло в России — то, что в 1990-93 гг. Комитет конституционного надзора официально закрепил ряд принципиальных позиций, вполне соответствующих передовым современным правовым стандартам».

Одна из таких акций — принятие ККН в 1991 г. положения по поводу указа Президента о введении в пределах Садового кольца в Москве особого административного порядка «совместного патрулирования». По запросу Верховного Совета РСФСР о конституционности этого порядка, после ожесточенных споров на заседаниях ККН была выработана формула, в соответствии с которой конституционным (с точки зрения верховенства прав человека) могут быть признаны только такие действия армейских вооруженных сил внутри страны, которые прямо основаны на законе. В результате был отменен порядок «совместного патрулирования», а события августа 1991 г. с вводом войск в Москву — оценены негативно. Но парадоксально то, что впоследствии эта формула полностью игнорировалась «демократической» властью, и при всех усилиях ее не удалось включить в текст новой Конституции.

ККН противостоял действующей власти, принимал решения — с опорой на права человека против секретных приказов Президента. 20 августа 1991 г. по моей инициативе члены ККН подписали заявление, осуждающее ГКЧП, где указывалось, что Закон о Чрезвычайном положении не предусматривает таких структур, как ГКЧП, что наделение их функциями высшего органа власти СССР незаконно. Это заявление не было принято в официальных кругах, и было подано в «Общую газету». После беловежского сбора руководителей трех республик в декабре 1991 г. ККН выступил с Заявлением о юридической несостоятельности роспуска СССР. Оно тоже не было принято в органах власти и было опубликовано только в «Правде». Но с прекращением существования СССР в декабре 1991 г. были распущены все общесоюзные учреждения, в том числе и ККН.

Главным направлением деятельности для меня была организация в 1991 г. при Президенте СССР Исследовательского центра частного права для совместной работы с Верховным Советом. Нам было ясно: без частного права нет свободных экономических отношений. Идея частного права стала постепенно реализовываться. Исследовательский центр частного права стал тем, что я хотел осуществить в ИФиП. Свой отпечаток накладывает то, что центр работал в Москве. Президент РФ утвердил федеральную Программу «Становление и развитие частного права в России», а меня — ее научным руководителем (с 1994 г.). Это стало наиболее крупным событием в области гуманитарных наук в нашей стране. Основной задачей центра была подготовка проекта Гражданского кодекса РФ, что и было сделано, — принят Гражданский кодекс в трех частях.

Потом я вышел в отставку в связи с Чечней — вышел из Президентского совета по правам человека, поскольку увидел, что война в Чечне есть рецидив коммунистического правопонимания. Ту формулу ККН просто забыли, когда решался вопрос о конституционной правомерности действий регулярной армии при «наведении конституционного порядка» в Чечне. Протест против этого был

делом совести и чести человека, испытавшего на себе ужасы войны.

После начала войны в Чечне я выступил с рядом статей, в которых изложил мотивы своих действий. Когда вступает в действие решение о применении тяжелого вооружения для массового поражения, ситуация гражданского конфликта юридически и политически оценивается как ситуация войны: с террором, расправами и прочими ее атрибутами. Это повлекло сдержанное отношение ко мне, о чем я не жалею. С начала своего пребывания «у власти» я дал себе обещание не поддаваться идущим от нее соблазнам и благам. Кое-что у меня получилось. Отказался от правительственной дачи; в 1991 г. мне как председателю ККН резко повысили зарплату до уровня зарплаты министра, я попросил бухгалтерию перечислять сумму повышения в Госпиталь инвалидов Отечественной войны. Когда я вышел из Президентского совета, я отказался от всех постов, от белой «Волги» со сменными водителями, от ЦКБ и «Барвихи», оставил казенную квартиру (с перспективой приватизации) в Москве. Да и то, что мне в связи с ранее занимаемыми постами ничего не «предусмотрено» и не «дадено», — счастье великое.

— Какой была работа над Конституцией?

— Официальный проект новой Конституции с 1991 г. готовился в особой комиссии Верховного Совета РСФСР под эгидой Б.Н. Ельцина. В начале 1993 г. по инициативе движения «Демократический выбор России» во главе с Г. Поповым и А. Собчаком, посчитавшим, что официальный проект носит просоветский характер, меня попросили подготовить альтернативный проект. Я восстановил весь накопленный материал, привлек к делу нескольких коллег, и, прежде всего, цивилиста, юриста высшего класса Славу Хохлова. Работали в Питере, в «резиденции» А. Собчака. Сразу был выработан перечень основных конституционных идей, с учетом новейшей конституционной практики, с немалой ориентировкой на опыт послегитлеровской Германии (а не Франции): 1. неприятие идеологии войны; 2. ответственность государства перед народом за силовые решения, она закреплена в положении Конституции о неразрывности войны в решении внешних и внутренних конфликтов; 3. идея верховенства Права. Это единственная сила, способная противостоять произволу. Главным «авторским» завоеванием в работе над Конституцией я считаю положение о том, что права человека определяют смысл и содержание деятельности всех подразделений власти. При разработке проекта больше всего нас беспокоила опасность, исходящая от государственной власти — возможность игнорировать закон или применять его на практике сообразно вольному усмотрению. В первом варианте проекта мы и попытались воплотить выработанные идеи в строгих юридических конструкциях, которые отличаются высшей нормативностью, жесткой «спепкой» всех своих элементов: прав, обязанностей, фактов и т.д. Мы попытались дать общее конструктивное гуманистическое построение, соответствующее новейшей европейской конституционной культуре, подчинить через конституционные положения все государственно-правовое устройство страны фун-

даментальным правам человека. «Изюминкой» его было то, что на первое место в тексте была поставлена норма о том, что «права человека являются непосредственно действующим правом» и основой всей государственно-правовой жизни.

Правда, из статьи под номером два в окончательном варианте текста его перебрали в статью 18, но оно сохранилось. В проект были включены и другие жесткие юридические конструкции: о строго разрешительном порядке действий государственных органов и должностных лиц, о недопустимости без прямого указания закона и надлежащих правосудных процедур использования регулярной армии внутри страны и др. Формула, включенная в текст, учитывала опыт ККН, она гласила: «Конституционным (с точки зрения верховенства прав человека) могут быть признаны только такие действия армейских вооруженных сил внутри страны, которые прямо основаны на законе». Эту формулу при всех усилиях не удалось включить в текст новой Конституции.

До сих пор власть не признает принцип недопустимости уничтожения человека вооруженной силой при решении внутригосударственных проблем. Что и показывают первая и вторая чеченские войны. В окончательном конституционном тексте многих из таких юридических конструкций не оказалось. Причина — в том, что любая власть, как бы она себя высоко демократически не декларировала, не терпит ничего, что бы ее связывало.

Важнейшей проблемой при разработке главных идей Конституции для нас с А. Собчаком была проблема организации правления страной. Функции Президента нам виделись в том, чтобы олицетворять и воплощать единство нашей страны, быть гарантом демократических ценностей и идеалов. Это предполагало всенародное избрание Президента и характер его функций по обеспечению арбитражирования и достижения гармонии между ветвями власти, что и было в основном записано в конституционном тексте. Но правление страной должно быть построено так, чтобы повсеместно и навсегда исключить всевластие.

Наряду с последовательным проведением принципа разделения властей по горизонтали и вертикали, то есть и между тремя властями, и в федеративном устройстве, и в обособлении муниципального самоуправления, в проекте было наметано три вещи:

1. Придать фундаментальным правам человека значение основы государственно-правового устройства, не подвластного никакой власти;

2. Ввести строго разрешительный порядок в отношении деятельности всех властных органов и должностных лиц; допустимо (разрешено) во властных отношениях только то, что прямо предусмотрено в законе. Это средство создания ситуации, обратной авторитарному режиму — порядку всевластия аппарата, особенно его высших инстанций;

3. Сосредоточить все административные прерогативы и оперативно-управленческие функции в Правительстве, несущем полную ответственность за состояние хозяйственных и социально-культурных дел в стране.

— Есть ли в Конституции основания для неограниченного усиления власти Президента?

— В разнообразных «рабочих группах», где доминировали чиновники высших инстанций, в жесткие юридические конструкции проекта вносились «оговорки», «уточнения». На многоголосных совещаниях вырабатывались «консенсусы». Советские конституционалисты внесли в проект гибкие положения, позволяющие власти произвольно трактовать закон. В проект была внесена «общая часть». В окончательной редакции концептуальное положение о правах человека оказалось во второй главе, а заглавными статьями текста стали, как и в советское время, положения о государстве, его суверенитете, территориальной целостности и т.д. Принципиальный «настрой на человека» — главное содержание «альтернативного» проекта Конституции, оказался выхолощен.

Летом 1993 г. состоялось Конституционное совещание, разногласия мнений которого позволила провести аппаратные проработки с ориентировкой на «запросы власти». Нас с А. Собчаком не допустили к участию в выработке окончательного проекта Конституции, поскольку в аппарате распространилось «авторитетное мнение» о том, что наш проект устройства государства делает из Президента «английскую королеву». В тексте проекта Конституции, вынесенного в декабре 1993 г. на референдум, а затем вступившего в силу, оказалось немало изъянов, корректив, дополнений, «уточненных» формулировок, прежде всего таких, которые дают известные основания для усиления власти Президента.

Например, прерогатива на одностороннюю отставку Правительства, исчезла запись о парламентском контроле над исполнением законов, даже запись о том, что «частная собственность — естественное право человека», между тем на этом была построена вся «экономическая часть» доклада Президента о Конституции на предшествующем заседании. К счастью, идеи исключения всевластия в тексте сохранились. Нужно только внимательно вчитаться в текст Конституции.

Некоторые политики трактуют, будто именно Конституция даровала нашему президенту неограниченную власть. На самом деле ничего похожего в ней нет. Напротив, статья 80 определяет функции главы государства как гаранта демократических ценностей. Нигде не записано, что он управляет страной. Нигде не сказано, что он имеет право напрямую руководить всеми силовыми ведомствами или может давать указания правительству. Но многие действительно истолковывают текст иначе, в том числе и сам президент. Некоторые основания для возвышения президентской власти были, что неизбежно, ведь в подготовке текста участвовало несколько команд с разными взглядами и концепциями, а последний вариант Конституции «подрабатывался» сугубо на аппаратном уровне. Но все равно утверждать, как это с апломбом делает Г. Зюганов, что наш президент имеет в три раза больше прав, чем американский, просто нелепо.

— Насколько, по Вашему мнению, укоренены в России в настоящее время частнопроводные отношения? Реализуются ли нормы Гражданского кодекса РФ?

— Годы, прошедшие после принятия ГК, показали: несмотря на все заложенные в Гражданском

кодексе РФ нововведения, Кодекс так и не стал правовой основой экономико-социального развития. Как и в советское время, он остался «оформительским» документом. Причины этого — во власти, в политическом режиме, установившемся в реформируемом российском обществе. Гражданский кодекс — он есть, и его нет. Признаю: появление в постсоветской России Гражданского кодекса, построенного на частнопроводных началах — дело случая. Его по самой сути и социальному настрою того и нынешнего времени не должно было быть. Потом кодекса по главному его предназначению и впрямь не стало. Природа утвердившегося в России постсоветского (все еще прокоммунистического) строя взяла свое. «Душа» Гражданского кодекса так и не заработала. Не вступила в действие!

Но Провидение, смею утверждать, все же поступило верно. Важно, что пусть частично, с трудом и деформациями, пусть не сразу, а через многие лета, его положения и его «дух» входят в практическую жизнь, утверждаются в повседневности, становятся обыденными и непреложными. Как ныне во Франции, где, как говорят, на полке дома каждого крестьянина рядом с Библией стоит Гражданский кодекс Франции (принятый в 1804 г.). Иначе гражданское общество не состоится никогда! Только вместе со всякой «цивилистической формалистикой и схоластикой» в жизнь могут войти, стать само собой разумеющимися великие начала свободы и автономии отдельной личности — сами принципы современного гражданского общества. Иного современной цивилизацией не дано!

Особенности проведения экономических реформ в России — одна из причин частичной реализации норм Гражданского кодекса. Беда российской приватизации 1992–95 гг. состоит в том, что проведенное сплошное акционирование государственных предприятий сопровождалось свертыванием или даже полным упразднением арендных и кооперативных предприятий -институтов, связанных с формированием собственников-производителей в самом процессе хозяйственной деятельности, в основном в сферах малого и среднего предпринимательства. Преобразование предприятий в акционерные общества, преимущественно, открытые, неизбежно свелось по большей части к смене вывесок, к тому же прежние государственные управляющие-директора стали бесконтрольными властителями имущества.

Власть использует ГК РФ только периодически, для конкретных нужд новой власти, например, для роспуска НТВ, но не для утверждения подлинной экономической свободы личности, защиты ее собственности, прав и достоинства. К сожалению, в нынешнюю пору ни разу общие начала гражданского законодательства, имеющие по своей сути значение «либерального кредо» современного демократического развития, не отмечены ни в одном из ответственных государственных и общественных документов. Демократы-ортодоксы, глашатаи «правых ценностей», не очень то жалуют Гражданский кодекс. На практике, в противовес первоначальным декларациям и закрепленным в Кодексе началам, в ряде случаев выдвигаются положения, отражающие директивное значение в хозяйственной жизни государственной власти. Не «юридическое равенство» всех субъектов, а их «равноудаленность» от высших

эшелонов власти, не «недопустимость произвольного вмешательства в частные дела», а нецелесообразность «необоснованного» вмешательства или всего лишь «разбюрокрачивание», или даже «разрегулирование» имущественных отношений, что, вообще отдает принципиальной некорректностью, неграмотностью, и в принципе не так уж далеко от нравов бандитского рынка, состыкованного с практикой произвольного усмотрения властных чинов.

— Как Вы оцениваете перспективы либеральных реформ в России?

— Судьба либеральных по замыслу экономических реформ в России остается до настоящего времени не вполне определенной. Если им и суждено сбыться в оптимальном для либеральной цивилизации варианте (а сбыться им в конечном итоге суждено), то произойдет это не скоро, — станет результатом многотрудного политического и духовного развития общества. В ближайшей перспективе возможно и попятное движение, усиление прокоммунистических элементов, и консервация под флагом «стабилизации» строя правящей олигархии государственного номенклатурного капитализма, способного по некоторому минимуму даже «улучшить положение» людей.

В такой обстановке важно закрепить позитивное, утвердиться на плацдармах, которые станут залогом последующего демократического развития российского общества. На первое место среди неотложных мер по реформированию российского общества следует поставить право. Именно с правом связан наиболее благоприятный оптимальный прогноз развития современной цивилизации. Беды, обрушившиеся на российское общество в годы перемен, вызваны не только экономическими и организационными просчетами, всепоглощающей борьбой за власть, за овладение ею и удержание ее, но и в не меньшей степени тем, что при всех широко вещательных «правовых лозунгах» право не заняло достойного места в обществе, не стало твердой «опережающей» основой преобразовательных мер. Вот и хлынул в жизнь хаос бескрайней варварской свободы, правового беспредела, тотальной криминализации общественной жизни. Принимаемые в последние годы меры по борьбе с коррупцией представляются не только недостаточными, они не заменят того, что должно стать незыблемой основой — создание правового общества, фундаментом и стержнем которого стало бы право человека.

— Еще одна область Ваших интересов — права человека. С.С., какие проблемы этой сферы права Вы считаете наиболее актуальными?

— Права человека — основополагающая гуманитарная категория, призванная ознаменовать вступление человечества в эпоху либеральных цивилизаций. Однако права человека хотя и утвердились в лозунгах и идеях, но не нашли достойного продолжения в юридической материи, в отработанных юридических конструкциях, которые смогли бы через повседневное человеческое житие, живую жизненную практику людей, при необходимости — через судебную систему, сделать права человека непреложной, обыденной реально-

стью. Между тем права человека составляют абсолютный критерий правовой реальности — законодательства, юридической практики, деятельности судов. Отсутствие отработанных юридических конструкций по правам человека оборачивается крупными несчастьями. Тем, что в сложных жизненных ситуациях происходит возврат к праву силы, порой даже к «праву войны».

Это происходит не только в такой драматической обстановке, которая травмирует общество кровавыми боями афганской или чеченской войн, но и в обыденной жизни людей, когда, к примеру, будто бы законное «отключение электроэнергии» за неплатежи организаций приводит к массовому нарушению жизненных прав людей, вовсе невиновных в такого рода неплатежах. Одна из наиболее сложных сфер в отношении прав человека в нашей стране — это все то, что в последние годы происходит в области уголовно-процессуального права.

Казалось бы, Конституция 1993 г. твердо закрепила передовые начала судопроизводства, высокую роль суда, участие адвоката на всех стадиях процесса. А на практике по-прежнему действует УПК РСФСР с его обвинительными ориентациями, приоритетом прокуратуры — «государева ока» и т.д. Некие прокурорские работники в открытую говорят о своем несогласии с упомянутыми конституционными положениями. Новый УПК РФ еще не принят. Идет неспешная отработка законов, юридических конструкций, которые потом надо будет строго, «по буквам» проводить в жизнь. Именно они призваны включить в жизнь конституционные начала.

Отсутствие достаточных и отработанных юридических конструкций по проблемам прав человека, причем не только по процессуальному законодательству, предопределяет пессимистическую перспективу. Пока лозунги и заклипания о правах человека не будут воплощены в строгих и точных юридических построениях и формах, ценности и идеалы прав человека в реальную жизнь не войдут никогда.

Есть обстоятельства, свидетельствующие о продолжающемся господстве реакционных режимов и порядков, о приоритете права силы, а то и права войны. В том числе — на Востоке. В ряде мусульманских стран. Есть факты геноцида и террора. Но более всего смущает круг совсем иных горьких обстоятельств. Это использование рядом передовых демократических стран методов войны с применением новейшего вооружения, и притом со ссылкой на массовые нарушения прав человека в Югославии, Афганистане, Ираке. Ничего себе! Высшая гуманитарная категория — права человека, исключающая саму возможность уничтожения человека — во всяком случае, без суда, следствия, обвинительного приговора, — стала основой для крупномасштабного применения современных вооруженных сил (авиации, ракетной техники), когда гибель невинных людей оказывается неизбежной! Добавим сюда события, происходящие в России на чеченской земле.

Есть предвестники беды, большие «минусы» в правовом развитии, которые уже дали о себе знать в событиях в Югославии в 2001 г., Афганистане в 2002 г., Ираке в 2003 г. Хорошо, что Путин сказал о политической ошибке США... Взвинтивший почти все американское население настрой на «воз-

мездие» после трагических событий сентября 2001 г. оказался в немалой степени понятным в самом прямом, стародавнем значении — в воинственном смысле: идти войной на предполагаемых виновников. Вершителями судеб в этих событиях стали не действующие законные порядки, а непосредственно ведущие державы мира: США, Великобритания, их союзники.

Произошло во многом то, что характерно для «права силы». По прямому решению руководства ряда стран использовались методы прошлых эпох — методы войны. Тут даже формально не определена, казалось бы, «все оправдывающая» категория — защита прав человека. В качестве обоснования военных акций, в силу неуместности ссылки на одно «возмездие», делались ссылки на «ликвидацию лагерей террористов», «разрушение их баз» и пр. Задача уничтожения терроризма (как глобальное, вселенское («божественное») предназначение человечества — заменить насилие правом) «опустилась» до обычных актов войны!

Страны, осуществившие ныне военные акции в Афганистане и Ираке (теперь уже без санкции ООН!), — это страны — своего рода эталоны демократии и правового развития. Именно им самой Историей было дано устанавливать планку правового развития, которая соответствует современной эпохе. До последнего времени шло медленное, трудное, с остановками и зигзагами, восхождение человечества от насилия к праву. И вдруг... сброс к краю бездны! Причем, сброс происходит с каким-то коварством: опорой для такого сброса общества в прошлое, к насилию стало возвышение неотъемлемых прав человека, придание им непосредственно юридического значения.

Настрой на то, чтобы покарать страны, как-то причастные к терроризму, свидетельствует о том, что мы вновь оказались в обстановке правового варварства, допустимости права войны, военного возмездия. На переднем крае вновь оказалось право силы. Величественное здание современного Права оказалось потрясенным. Неужели в жесточайшей вселенской схватке между насилием и правом победу на данном этапе человеческого развития, вопреки, казалось бы, неумолимым историческим тенденциям и ожиданиям все же одерживает насилие, право силы?

Возникает предположение: может теперь следует отказаться от «высот» в юриспруденции, связанных с международным правом, с защитой прав человека, и не идти дальше обыденных юридических дел — споров о наследстве и прочих? Именно так поступает юриспруденция в благополучных странах Запада — сделки, обвинения, защита, регистрация актов. Все другое, «высокое»: права человека, правосудие, экономическая свобода — пусть все это остается уделом политиков и философов?

Мне представляется все иначе: невероятно страшное, случившееся в последнее время — это горькая плата человечества и нынешней юриспруденции за пренебрежение к высокой юридической материи, к Праву. Неужо отбрасывать выстраданные веками истории и выработанные наукой и практикой правовые начала и категории — начала законности, жесткие правила применения вооруженной силы при решении международных и внутрисударственных дел!

— Правильно ли я понимаю, что за созданием Вами Исследовательского центра частного права при Президенте РФ, Российской школы частного права, Института частного права стоит единая концепция целостной системы послевузовского образования юристов-цивилистов высокого класса? Можно ли считать молодых цивилистов этих институтов представителями единой научной школы, Вашими учениками и последователями?

— Мы создали два отделения школы — в Москве и в Екатеринбурге. Школа и Институт частного права — это звенья единой системы. Институт существует без государственной поддержки. Туда поступают лучшие выпускники школы частного права. Это и есть главное дело моей жизни — я и сейчас курирую работу по программе возрождения частного права в России, руковожу Уральским отделением Российской школы частного права. Наша цель — подготовка специалистов мирового уровня, и если мне удастся воспитать хотя бы десять учеников, буду считать свой долг перед страной, перед своими учителями — а я, по сути, являюсь воспитанником дореволюционной российской профессуры, — выполненным: цепь не прервется. Правоведение может достигнуть уровня, равного уровню самых престижных наук. В будущем — со временем, не скоро, по моим прогнозам лет через 50, юридическая наука станет главным способом защиты человеческой жизни. Тогда она станет спасительным якорем для человечества. В мире не должны утверждаться права сильного и силы как таковой. Правовым способом должна осуществляться защита слабых.

— В своей научной деятельности Вы охватили масштабный круг проблем: философию права, общую теорию права, гражданское право и конституционализм, проблемы прав человека. Какими проблемами Вы занимаетесь сейчас?

— В последние годы я занимаюсь проблемами обобщающего плана. Среди них — мысли о Праве, о ступенях становления права в России. В стране, истерзанной войнами, бунтами и тиранией, шаг за шагом утверждаются такого рода идеи — Идеи права: Идея частного права; Идея прав человека; Идея достоинства и неприкосновенности личности (до сих пор попираемых действующим законодательством времен РСФСР); Идея Верховенства права, к которой склоняется все правовое развитие стран, избирающих путь демократии, либеральных ценностей и идеалов. Но вся суть вопроса в том, что ни одна из этих идей не может получить необходимого жизненного воплощения, не может стать действительной реальностью в обществе, если не найдет выражения в системе от-

работанных, совершенных юридических конструкций. Ключевое значение имеет конструктивное совершенство права, правовой материи.

Еще полстолетия тому назад в своих лекциях по римскому частному праву Александр Маркович Винавер рассказывал о деталях и подробностях юридического бытия Древнего Рима, об изящных и стройных юридических конструкциях — самом великом открытии римской правовой культуры, которое только сейчас, кажется, раскрывается в своем грандиозном значении для права...

Мне стало видаться что-то похожее на свет истинного знания — действительная перспектива понимания права и в его издавна известных значениях, и в новых очертаниях, суть и смысл которых только-только приоткрывается. Недавно вышла моя книга «Избранное», в которой содержится обобщенная характеристика современности, мое отношение ко многим актуальным проблемам. В ней я подвожу определенный итог своей 50-летней деятельности. Не важен сам юбилей, это нужно мне самому. Я не работать не могу, каждый день я сажусь за компьютер и пишу. Где-то там, в работе, находится правда жизни, а удовлетворение от нее — составляет счастье... Иногда я пишу маленькие рассказы для внуков, в какой-то степени связанные с современными проблемами.

***

Время встречи истекло, а хотелось спросить Сергея Сергеевича еще о многом. Но радует мысль — общение многих людей (не говоря об учениках и последователях, имеющих возможности личных встреч) с этим человеком может быть продолжено через его научные, публицистические и литературные произведения. Это книги, посвященные правовым проблемам: Теория права, М., 1993, 1995; Философия права, М., 1997; Самое святое, что есть у Бога на земле, М., 1998; Частное право, М., 1999; Восхождение к праву: Поиски и решения, М., 2001 и многие другие. Это научно-публицистические работы: Уроки. Тяжкий путь России к праву, М., 1997; Круг замкнулся: Повесть о праве. Екатеринбург, 2001; Две повести. О праве. О власти. Россия, 2002; Избранное. М., 2003. Последняя книга включает автобиографические очерки о взаимоотношениях с М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным. Я уверена, будут и новые книги, а значит, читатель, как и я, сможет вновь и вновь говорить с этим Светлым Человеком

*Автор выражает благодарность
 Л.М. Семиглазовой, М.Ф. Казанцеву,
 С.А. Степанову, сотрудникам ИФиП УрО РАН
 и Уральского Института частного права
 при Президенте РФ за предоставленную
 информацию и помощь
 в подготовке материала.*

P.S. Во время подготовки к печати настоящего интервью мы получили радостное известие о награждении Сергея Сергеевича Алексева орденом «За заслуги перед Отечеством» III-й степени! Все сотрудники Института философии и права УрО РАН, а также редколлегия альманаха «Дискурс-Пи» поздравляют Сергея Сергеевича с высокой наградой и желают ему счастья, благополучия и новых творческих побед.